Олег РЯБОВ,
Нижний Новгород

Рябов Олег Алексеевич родился 18.07.48 в г. Горьком. Окончил политехнический институт по специальности «радиоинженер». Работал в НИИ научным сотрудником, в проектном институте начальником снабжения, Облкниготорге – товароведом, Оперном театре – дежурным электриком, мясокомбинате – зам. директора, в типографии – тоже каким-то начальником. Первая книга, повесть о войне, «Письма отца» вышла в издательстве «Молодая гвардия» в 1988 году. С тех пор вышли около двадцати книг стихов и прозы. Печатался в журналах «Нева», «Север», «Всерусский собор», «Молодая гвардия», «Сельская молодёжь», «Кириллица», «Невский альманах». Лауреат конкурса им. Шукшина «Светлые души». С 2002-го года член Союза писателей России.

* * *

А Дедал – он мой друг, он – мастер.
Он придумал летучие крылья,
Он натер их воском, покрасил,
Наделил их мускульной силой.
И летал он с Икаром, с сыном…
Вот сидим мы – седой он, старый,
Вспоминает, как в небе синем
Потерял он сына Икара.

Друг мой, Пигмалион – художник,
Он себе Галатею сделал –
Грудь и бедра с матовой кожей,
Дышат жизнью детали тела.
Он влюбился в творенье это,
Позабыв про возраст и сроки…
У творений вечное лето,
А состарился он одиноким.

Мой учитель, Гомер, пел людям.
Ах, какие поэмы и песни!
Мы его похвалить не забудем,
Хотя он не нуждается в лести,
А вот чашу вина он взалкает
Да и фиников горсть примет.
У него жизнь была слепая,
Да, и помним мы только имя.

Все они – без прицела на вечность,
А, поди ж ты, и получилось!
Время судит и время лечит.
Есть у времени право и сила.
И поэт, и художник, и мастер,
И любой проводник мысли
Встретит вечность, а только счастье
Не создать пером или кистью.

ТЕАТРАЛЬНОЕ

А. Мюрисепу

Аплодисменты, шурша по стенам,
ползут по залу,
Поклон последний, артист усталый –
в столбе софита.
Но вдруг покажется на миг,
что сделал мало,
А «бис» провисший,
он – не ему, а так, для свиты!

Снимался грим легко: как шкура
с варёной щуки,
Он бросит в угол сюртук тяжёлый –
промок от пота.
И дрожь в ногах,
от напряжения пляшут руки,
А в дверь с опаской стук – заявился
зачем-то кто-то.

Вошёл знакомый,
вошёл банальный и серый вечер,
Принёс коньяк, цветы
и грубо улыбку срезал.
Была усталость,
и было просто ответить нечем,
А вечер мягко облокотился
на спинку кресла…

Он панибратски
был неприветлив с моим героем:
Он хороводил,
не мямля глупо пустое «здрасьте!»
Своим молчанием
он восхитился его игрою,
И в тишине артист расслышал:
«А ты, брат, – мастер!»

* * *

Дождик лужу клюёт. Осень,
Журавли потянулись к югу.
Обозначили гон лоси –
Засмущались лосихи-подруги.

Лижет ветер своим шершавым
Языком холодную лужу.
Ну, так что мы с тобой решаем?
Может, я тебе и не нужен?

Есть у осени много песен
Про разлуку и про вагоны.
Только, если уж быть честным,
Ни к чему эти вздохи и стоны.

Ну, всплакни, ну, взмахни руками,
Только молча, прошу тебя – молча.
Ничего не случилось с нами –
Я опять позвоню тебе ночью.

Осень часто приносит смуту,
Осень остро ставит вопросы.
Если я ничего не спутал,
У тебя ведь не так всё просто.
Барабанят в окно капли!
Успокаивают? Тешат? – Ой-ли!
Только душу всю расцарапали,
Раскровенили всю до боли.

* * *

Вяч. Фёдорову

Руки дрожат? И хорошо:
Вот перестанут дрожать –
Вспомнишь, а может, всплакнешь ещё,
Простившись у рубежа.

Руки дрожат? – Значит, живой,
Могу и поцеловать.
Знаешь – это не тяжело:
Целовать, говорить слова.

А вот мечтать – уже не могу:
Слышу, вижу порог.
Листик с берёзы сорвать на бегу
Могу, да и раньше мог.

А замахнуться на целую жизнь?
А где её целую взять?
Видишь: рука немного дрожит –
Письма пишу друзьям.

* * *

Свечою белою мигала тишина,
Пока я шёл к тебе от двери до окна.
Там, за окном, светила круглая луна,
А под луной спала огромная страна.

Ты обняла меня и молча приняла,
Не спрашивая про мои дела,
Не удивляясь, словно мы с тобой должны
Вот так – всю жизнь в таком обмане жить.

Потом мы разбудили петуха,
Ты улыбнулась – не было греха:
Мы не украли, не обидели, мы не
Обманывали, но вот там, в окне…

Там, за окном, стояла тишина,
И так пронзительно светила нам луна,
Что принималось это, как намёк
На то, что человек, он – одинок.

Минуты прыгали и капали часы,
А дни и месяцы ложились на весы,
Которые критически должны
Нам намекнуть на тонкость нашей лжи.

Нет, нет – не лжи: безумная луна
И звонкая ночная тишина,
И ты с полуоткрытым сладким ртом.
Не хочется и думать – *что* потом!

Потом земля проснется. Знаешь, как:
По небу разбредутся облака,
А в голове возникнет рой забот,
Меж нами вырастет неведомый забор.

Когда-нибудь при бешеной луне
Ты вспомнишь, как в белесой тишине
Мы думали, что не было греха,
Пока не разбудили петуха.